

*Моей подруге Лесли,
которая умеет слышать не только слова,
но и сокрытую в них правду.*

Будь полотно небес отрезом шёлка,
Где вытканы лазурные чертоги,
Где золото зари и сумрак колкий —
Суть нити за серебряной иголкой, —
Я б кинул эту ткань тебе под ноги,

Я б разостлал, чтоб ты прошла, родная.
Но беден я, мечтою лишь владею.
И коль уж я других богатств не знаю,
Свою мечту тебе я расстилаю:
Ступай по ней, будь бережнее с нею.

У.Б. Йейтс*

* “Aedh Wishes for the Cloths of Heaven” (1899), William Butler Yeats, вольный перевод с англ.

Зои — 2010

Присаживаясь на мягкую кушетку в гостиной, Мэй МакКоннахи слегка обмахивается маленькой брошюрой, которую принесла с собой.

— Не волнуйся, ты привыкнешь к жаре. И как только опять включат кондиционер, будешь чувствовать себя просто великолепно. Шарки* всегда приносит с собой хаос. Вчерашняя песчаная буря стала настоящим мучением. У них есть отвратительная привычка отключать электричество в этих старых зданиях, — говорит она приятным низким голосом, с заметным ирландским акцентом, который так сочетается с ее каштановыми волосами и бледными веснушчатыми руками.

Жалюзийные ставни, которые пропускают достаточно света, даже будучи закрытыми, все же отбрасывают густую тень на мебель, защищая ее от яркого утреннего солнца Марокко. Несмотря на это, воздух в комнате горячий и тяжелый, и я изо всех сил стараюсь не расчесывать вновь вздувшиеся на руках красные папулы. Я надеялась, что переезд в более теплый климат поможет зажить моему дерматиту,

* Сухой, изнуряюще жаркий, пыльный ветер с порывами до 80 км/час.

однако, эффект, похоже, получился прямо противоположный. Пальцы распухли от жары, кожа на них кажется натянутой, а обручальное кольцо врезается в плоть. Проснувшись сегодня утром, я попыталась снять его, но сустав уже превратился в твердый, неподатливый комок, поэтому мне пришлось оставить эту затею и надеяться, что если я сегодня вечером опущу палец в холодную воду, это облегчит дискомфорт.

Знойный ветер, дующий со стороны пустыни, действует на нервы. Заполняя все бульвары и переулки города, мелкая сухая пыль шипит и шуршит, скользя по уже далеко не новым и залатанным городским тротуарам.

Мне чудится, что Мэй шепчет: «Тебе здесь не место!» Как будто мне нужно об этом напоминать...

Вошедшая к нам экономка ставит поднос с чайными принадлежностями на низкий столик между мной и моей собеседницей и кивает, когда я бормочу слова благодарности, мягко прикрывая за ней дверь.

Мэй ждет, прислушиваясь к тихому шлепанью кожаных туфель Алии, удаляющейся по коридору, а затем заговорщически произносит:

— Разве это не рай, когда есть прислуга? Не представляю, как мы сможем приспособиться и все делать сами, когда наша командировка закончится. Используй ситуацию по максимуму, пока есть возможность

Произнеся эти поучительные слова, Мэй начинает смеяться. Ее смех похож на звон стаканов на серебряном подносе, в которые я наливаю мятный чай. Взяв у меня один из стаканов с чаем, моя собеседница берет сумочку, лежащую на полу рядом с ней, достает красивый сверток и протягивает мне.

— Это лучшие медовые пирожные в Касабланке, — сообщает она. — Тебе повезло, что пекарня прямо на углу. Хотя... Если бы такая была рядом со мной, то прощай фигура! Слишком соблазнительно! Итак, большая часть информации, которая тебе понадобится, содержится в брошюре. — Она кладет ее на кофейный столик и пододвигает ко мне. — Составлена комитетом Клуба жен, и мы все поделились в ней важными деталями, чтобы помочь новичкам обосноваться. Здесь упоминается и пекарня, видишь?

Своим ярко-красным ноготком она указывает на соответствующую страницу, озаглавленную «Еда и напитки». Я вежливо слежу за ним, делаю вид, что изучаю список магазинов и ресторанов.

— И как-нибудь утром я проведу тебя по городу, чтобы показать все остальное, — продолжает она.

— Спасибо, — отвечаю я. — Это очень любезно с твоей стороны.

— О, не за что! — небрежно машет рукой Мэй, и я не понимаю, то ли она отмахивается от моей благодарности, то ли пытается расшевелить горячий тяжелый воздух. — Все это часть моей работы. Я состою в приветственном комитете. Всегда приятно знакомиться с новичками и помогать им освоиться. Марокко может поначалу немного шокировать, но вы здесь среди друзей. Мы, эмигранты, поддерживаем друг друга, потому что знаем, каково это — оказаться в новой, непривычной обстановке.

Всего два дня назад мы переехали в наше новое жилище — элегантный таунхаус во Французском квартале города, арендованный для нас транспортной компанией, в которой работает Том. Первую неделю в Касабланке мы провели в отеле. Перевозить нам пришлось не слишком много,

только несколько чемоданов с самыми необходимыми вещами. Мы не стали ничего увозить из нашего дома в Бристол, чтобы иметь возможность навещать туда всякий раз, когда у Тома случится отпуск. И еще — чтобы безболезненно туда вернуться через пять лет, когда его назначение закончится и он, скорее всего, снова станет работать в офисе в Эйвонмуте*.

Отдел кадров предложил нам вариант меблированного жилья, и поскольку, честно говоря, у меня нет ни времени, ни сил, чтобы тратить их на обустройство с нуля в совершенно чужом месте, я счастлива возможности пользоваться чужой мебелью. Вещи здесь старые и немного потрепанные, но хорошего качества.

— У тебя есть все необходимое? — осведомляется Мэй, окидывая комнату оценивающим взглядом.

— В основном, думаю, да. Если нам понадобится что-то дополнительно, мы всегда сможем это купить.

— Конечно! — соглашается она, перелистывая страницы буклета. — Вот раздел о магазинах товаров для дома, которые доставляют. В действительности лучшее место для покупок — это торговый центр.

Я отхлебываю свой чай. И с удивлением обнаруживаю, что он освежает. Затем обращаю внимание на маленький сверток, развязываю скрученные ленты и снимаю обертку, открывая золотистые бисквитные пирожные с миндалем, который блестит под медовым сиропом.

— Спасибо за сладости, это действительно очень любезно с твоей стороны, — благодарю я и протягиваю ей коробку, а также тщательно выглаженную льняную салфетку, которую Алиа принесла вместе с чайным подносом. Я вижу,

* Пригород Бристоля.

что Мэй очень старается не поморщиться, когда замечает состояние моих рук. Моя грубая, морщинистая кожа и неровно обгрызенные кутикулы резко контрастируют с ее изящным маникюром.

Мэй права, маленькие пирожные просто восхитительны, хотя из-за жары у меня нет никакого аппетита. Она продолжает свой рассказ, описывая социальную программу в Зарубежном клубе, где проводят свое свободное время все эмигранты: играют в теннис, плавают и общаются. Завтра вечером там намечается коктейльная вечеринка, устроенная компанией Тома, чтобы поприветствовать нас. Все так добры к нам! Хотя мысль о том, что мой муж будет находиться в помещении, в котором предполагается огромное количество выпивки, да еще в присутствии своих новых коллег и их партнеров, наполняет меня ужасом. Надеюсь, на публике Том сможет побороть свое пагубное пристрастие и будет оценен людьми, от которых зависит его карьера. А мне, как обычно, просто придется сохранять бдительность.

Не обращая внимания на мою озабоченность, Мэй продолжает болтать без умолку:

— На следующей неделе я с несколькими девушками организую обед в клубе. И позвоню тебе договориться о подходящем утре, чтобы показать тебе все вокруг. — Она бросает на меня оценивающий взгляд, возможно, понимая, что мой вежливый энтузиазм немного натянут. — Не беспокойся. Переезд всегда вызывает стресс. Конечно, требуется несколько недель, чтобы адаптироваться. Мы все через это прошли. Но ты скоро освоишься. По большому счету, Каса — неплохое место.

Я искренне благодарна ей за то, что она такая приветливая, но она не дура и, вероятно, чувствует мою рассеянность. Непреодолимое желание вымыть руки нарастает во мне по мере того, как я обдумываю перспективу посещения всех этих мероприятий. Я знаю, что это иррационально. Знаю, что это реакция на чувство тревоги и потери контроля. Но это непреодолимый рефлекс, и ему легче поддаться, чем бороться с ним. Мне также не терпится подняться наверх, в детскую, чтобы закончить распаковывать игрушки и одежду Грейс. На верхнем этаже дома, в этом мирном пространстве мне спокойнее, и хотелось бы находиться там, когда моя маленькая дочь проснется после утреннего сна, чтобы она не была одна в этом странном новом доме. Вполуха слушая Мэй, рассказывающую о книжном клубе и других предлагаемых группах по интересам, я представляю, как улыбается Грейс, увидев меня, как я обнимаю ее и мое сердце наполняется радостью от ее радостного смеха. Однако, когда Мэй упоминает о ремесленном клубе, я снова включаюсь в беседу.

— А они занимаются квилтингом*? — интересуюсь я. — У меня есть идея, которую очень хочется реализовать, но я никогда ничем подобным не занималась.

— По-моему, есть что-то в таком роде, — говорит Мэй. — Лично я безнадежна в подобных вопросах, у меня руки-крюки и совершенно нет терпения для занятия рукоделием в любой форме. Но я прослежу, чтобы на нашем обеде была Кейт. Она искусная мастерица, так что сможет рассказать обо всем подробнее.

* Стежка, выстегивание, подбивка (*англ.*). Объединяет в изделиях несколько техник: лоскутную вышивку, различную стежку, аппликацию.

— Было бы здорово. А где можно купить ткань и нитки?

— Ой, ты действительно спрашиваешь не ту женщину! Полагаю, ларек с подобным товаром можно найти в квартале Хабус*. Я поинтересуюсь.

Из-за ставен доносится призыв к молитве, резонирующий в жарком утреннем воздухе. Мэй вытирает остатки меда с пальцев и смотрит на часы.

— Что ж, мне пора. Нужно успеть кое-что купить до закрытия магазинов. И у тебя, думаю, немало дел. Не хочу тебя отвлекать.

Она одаривает меня доброй улыбкой и обнимает, когда я провожаю ее в сияние света и тепла. Во французском *nouvelle ville*** улицы представляют собой широкие бульвары, где вездесущие финиковые пальмы изредка перемежаются платанами, ветви которых в это время дня отбрасывают на тротуар концентрированные пятна густой тени. Но по мере продвижения к океану улицы сужаются, а здания становятся ниже, втягивая вас в запутанное сердце Медины, старого арабского квартала. За ним раскинулись доки, откуда из кабинета Тома открывается вид на один из крупнейших морских портов африканского континента. Муж контролирует движение судов компании и следит за погрузкой и выгрузкой скобящих небо штабелей контейнеров.

Я понимаю, что у нас будет время изучить все это позже, как только этот безжалостный, беспокойный ветер сно-

* Квартал Хабус, или Новая Медина, построен французами в 1930-х гг.

** *Ville nouvelle*, Новый город (франц.) — в рамках Французского протектората, учрежденного в 1912 г., был разработан радиоцентрический план Касабланки, разделивший город на *ville indigene*, где будут жить марокканцы, и *ville nouvelle* для европейцев.

ва утихнет. А пока я на прощание машу Мэй и поднимаюсь по лестнице на верхний этаж дома. Смываю с рук лишние следы пирожных и дважды тщательно протираю их, прежде чем войти в комнату Грейс. Стоя у окна, наблюдаю за тремя горлицами, которые, похоже, считают эти черепицы своими владениями: они взъерошивают перья и дружелюбно воркуют друг с другом.

За шифером просматривается тянущаяся до самого моря беспорядочная вереница плоских крыш. Минареты мечетей взмывают над ними в бесконечную синеву североафриканского неба.

Мы приехали сюда, чтобы начать все с начала. Но вместо надежды я чувствую пустоту. Это город, расположенный на краю океана разбитых мечтаний, обветшалый и продуваемый всеми ветрами; его некогда прекрасные улицы теперь выглядят убого. Голливудский гламур времен Богарта и Бергман давно исчез, теперь от него остались лишь далекие воспоминания.

Этот город кажется мне концом света.

Зои — 2010

У каждого дома свой собственный лексикон. По ночам, когда город снаружи наконец замолкает на несколько коротких часов, а темнота, тяжелая, как бархат, окутывает крыши, наш новый дом на бульваре Оазо бормочет и вздыхает сам по себе. Я лежу без сна, вслушиваясь, пытаюсь расшифровать этот новый язык скрипов и щелчков. Возможно, через месяц или два привычка заставит звуки отойти на задний план, но сейчас я внимательно прислушиваюсь к каждому. На кровати рядом со мной крепко спит Том.

Мои мысли все еще гудят после коктейльной вечеринки в клубе. Бесчисленные разговоры и множество новых знакомств усилили мою обычную тревожность из-за пребывания в социуме. Для меня это всегда тяжелое испытание. А еще требовалось быть настороже, чтобы Том не перебрал с алкоголем и не достиг той точки, когда он из очаровательного и экспансивного мужчины превращается в беспомощного идиота с заплетающимся языком, натякающегося на окружающих. Это мероприятие было весьма изнурительным, и сейчас я чувствую сильную усталость и одновременно слишком взвинчена, чтобы уснуть. Теперь, когда все закончилось, думаю, можно сказать, что ве-

черинка удалась. У нас получилось изобразить целеустремленную молодую пару, взволнованную новыми возможностями, которые сулит это назначение. Том оправдал ожидания и хорошо справился со своей ролью, его босс казался довольным, излучал одобрение, когда смотрел на меня, стоявшую рядом с мужем. Должно быть, я выглядела как самая настоящая корпоративная жена, хотя на самом деле все время активно сопротивлялась желанию убежать в ванную, чтобы снова и снова мыть руки.

Том слегка шевелится, но не просыпается. Расстояние между нами — это широкий океан, который никто из нас не осмеливается пересечь. Я слышу его спокойное дыхание и завидую его забывтью. Я знаю, что он много работает на своей новой должности и каждый день возвращается из офиса сильно уставшим. Но порой входит в дверь оживленным больше обычного, и я чувствую исходящий от него мускусный запах виски.

Половицы в комнате над нами — спальне Грейс — время от времени ритмично потрескивают, это дерево сжимается в прохладе ночи. Я вспоминаю, что завтра нужно найти молоток и попробовать что-то придумать с расшатанной доской, скрытой берберским ковром посреди детской. Она громко скрипит, когда я наступаю на нее, а мне очень не хочется тревожить сон Грейс.

В какой-то момент, убаюканная ритмом дыхания мужа, я наконец погружаюсь в глубокий сон. Когда же песня муэдзинов будит меня, я обнаруживаю, что кровать рядом со мной пуста. Том любит бегать, и лучшее время — на рассвете, до того, как станет слишком жарко и он погрузится в работу. И действительно, завязывая пояс своего шелкового халата, я замечаю, что под стулом, стоящим с его стороны кро-

вати, нет кроссовок. Он вернется, чтобы смыть пот, надеть рубашку и галстук и быстро позавтракать, перед тем как отправляться в свой офис в доках. А я тем временем пойду и разбуджу Грейс, вытащу ее из кровати и покрою ее улыбающееся личико поцелуями. Так начнется очередной день.

Как только Том уходит, меня охватывает беспокойство, подпитываемое двумя чашками крепкого кофе, которые я выпила после утреннего перекуса, состоявшего из фруктов и йогурта. Поэтому я пристегиваю детский слинг*, убеждаюсь, что зажимы надежно закреплены, и отправляюсь на прогулку. У меня нет четкого представления о том, куда пойти, но мои ноги, привычно огибая стены медины, поворачивают к океану. Сегодня после нескольких дней непрекращающихся, изматывающих нервы порывов ветер стих, принеся долгожданную тишину. Чтобы защитить Грейс от солнца, я накинула на плечи легкую шаль. Морской бриз играет с ее краями, заставляя бахрому трепетать. Наконец мы добираемся до корнища** с его пляжными клубами и рядами пальм, верхушки которых раскачиваются на ветру, и я сдвигаю солнечные очки на макушку, чтобы насладиться видом золотого песка и океана. Вблизи вода залита светом, но далекая линия горизонта — густого синего цвета. Я показываю Грейс волны. Сначала она немного настороженно наблюдает за атлантическими валами, за тем, как они заворачиваются и обрушиваются на берег. Но решив, что ей нравится это зрелище, агукает и одобрительно машет ручками.

* Одно из древнейших приспособлений для ношения маленького ребенка. Иногда называют бэби-слингом или лоскутным держателем.

** В ряде языков — дорога, проходящая по горному склону, причем с одного конца в гору, а с другого — под гору.

— Да, знаю, знаю, — говорю я ей. — Это чудесно, правда? Нам нужно найти хороший тихий пляж, чтобы отвезти тебя туда, где мы сможем немного поплескаться. А еще купим ведро и лопатку, и я построю тебе огромный замок из песка, подходящий для принцессы.

Я чувствую подъем, оттого что прошла так далеко и добралась до корниша своим ходом. Большая часть города обветшалая и полуразрушенная, поэтому вид пляжа и сверкающего океана улучшает мне настроение. Возможно, я все-таки смогу привыкнуть к жизни в этом новом месте. Я напоминаю себе, что мне повезло жить в богатом районе и иметь помощницу по хозяйству, Алию. Хотя для меня присутствие в доме экономки — роскошь, и из-за этого я чувствую себя не слишком комфортно. Но, похоже, она гордится тем, что содержит дом в чистоте и порядке, и наслаждается приготовлением пищи. Поэтому я полагаю, что ей нравится ее работа. Поначалу я думала, что мне будет не по себе от присутствия в доме человека, которого я едва знаю, но Том работает так много и так подолгу отсутствует... В общем, ее компания мне даже приятна.

Я смотрю, как волны накатывают на берег, и обнаруживаю, что бессознательно покачиваюсь в такт их ритму, укачивая Грейс, счастливо лопочущую в слинге.

Поворачивая к дому, опускаю солнечные очки на лицо и поправляю шаль, защищая пушистую головку Грейс. Пройдя достаточно большое расстояние, я осознаю, что солнце неуклонно поднимается над головой, его лучи становятся все яростнее с каждой минутой. Мои ступни опухли и болят от горячих твердых тротуаров, а кроссовки натирают пальцы ног. От шума уличного движения у меня раскалывается голова, и я, ощущая себя абсолютно безза-